

Кобзов В.С.

НАШИ ЗЕМЛЯКИ – УЧАСТНИКИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ 1812 ГОДА

Нынешний год Президентом России объявлен годом истории. И это символично. 2012 год – год 200-летия начала Отечественной войны 1812 года, в ходе которой стране пришлось вынести нелегкие испытания, объединившие народы и сословия в единое целое, что позволило разгромить неприятеля и сохранить независимость Отечества. О событиях тех лет известно немало – о войне говорится в школьных учебниках, подвигу народа посвящены десятки научно-популярных и художественных фильмов, написано немало романов, научных статей и монографий. Широко известны имена главнокомандующих и генералов, принимавших участие в сражениях на территории России и за ее пределами, на слуху имена партизанских командиров, практически историческими личностями стали персонажи романа Л.Н. Толстого «Война и мир». Однако в большинстве исследований лишь вскользь говорится о непосредственных участниках сражений – рядовых офицерах и солдатах, которые гибли на полях сражений десятками и сотнями, навсегда оставшись безымянными героями Великой войны. Их имена до сих пор остаются неизвестными и потомкам, проживающим в тех же населенных пунктах региона, откуда наши предки уходили на защиту Родины.

Первое столкновение русской армии с армией Бонапарта произошло в период первой антинаполеоновской коалиции. В соответствии с Манифестом Александра I от 3 декабря 1806 г. в Оренбургской губернии (в ее состав входила территория и современной Челябинской области) были сформированы и отправлены в действующую армию два подразделения – 1-й и 2-й Оренбургские казачьи полки. 2-й полк, который возглавил начальник 1-го казачьего кантона поручик Василий Мельников, насчитывал в своем составе 645 человек – казаков Челябинской, Чебаркульской, Еткульской, Миасской, Уйской, Коельской и Кичигинской

станци. Казачьи полки вошли в состав армии генерала Л.Л. Беннигсена и после заключения Тильзитского мира были переданы в Молдавскую армию, с которой участвовали в боевых действиях против турок. К этому времени командир полка поручик Мельников умер, и воинскую часть возглавил есаул Григорий Гребенщиков.

Имена отдельных участников войны из состава казачьих полков сохранились благодаря приказам о награждении за боевые отличия. В частности, 12 февраля 1812 г. Указом Военной коллегии за отличие под Малой Слободзеей уроженец Коельской станицы Дмитрий Гневашев был удостоен чина подпоручика, атаман Коельской станицы Даниил Зайков из чиновников 14-го класса был произведен в 13-й класс, хорунжий Трофим Севастьянов (Еткульская ст.) – удостоен Монаршего благоволения.

В марте 1812 г. майор Я. Беляков, подпоручик Д. Гневашев, Санарской станицы прапорщик Мелехов и 43 казака были исключены из списков полка по болезни и отправлены на родину. В 1812 г. майор Беляков возглавил 3-й казачий полк и с ним вновь выбыл на театр военных действий, прапорщик Мелехов в связи со смертью был исключен из списков войска 30 мая 1815 г.

Чудом сохранился и список командного состава 2-го Оренбургского полка. В рядах его первой сотни воевали казаки Челябинской станицы: сотники Игнатий Бородин и Петр Смолин, урядники Иван Казанцев и Николай Парфентьев (произведен в хорунжие); во второй сотне – атаман Леонтий Балашев, сотник Влас Пашнин и хорунжий Андрей Пашнин из Миасской станицы; в третьей сотне – сотник Трофим Севастьянов (произведен в подпоручики), хорунжие Харлампий Печенкий и Василий Соколов (Еткульская станица). В четвертой сотне, сформированной из чебаркульцев, сражались с неприятелем станичный атаман Дмитрий Пустозеров (произведен в поручики),

хорунжие Иван Медведев и Гавриил Рышков. Пятая сотня была представлена казаками Коельской станицы. В ее рядах были уже упоминавшиеся сотник Дмитрий Гневашев, хорунжие Даниил Зайков и Иван Рукавишников. И, наконец, в последней, шестой сотне, числились сотники Игнатий и Иван Тихановы (Уйская), сотники Иван Брагин (Еманжелинская) и Иван Вараксин (Еткульская), хорунжий Прокофий Лябзин (Кичигинская).

Казакам 2-го Оренбургского полка довелось быть в армии более десяти лет – не успели затихнуть бои в Молдавии, в пределы России вторглась армия Наполеона. В июле 1812 г. Оренбургский военный губернатор князь Г.С. Волконский получил Манифест императора «о нашествии на Россию неприятеля и о вызове Россиян на всеобщее ополчение для защиты Отечества». 25 июля предписание губернатора и копии Манифеста были направлены во все казачьи и башкирские кантоны. В предписании Волконский писал: «Я остаюсь в полном уверении, что всякий из подкомандующих Ваших начальников и всякий их подчиненный, имея искренние чувства и любовь к своему отечеству, потщится со всем усердием и ревностью на отражение и поражение врага с многочисленными силами жертвовать собою как лично, если не в силах, а кто пособием друг другу на содержание и исправление оружия и прочего нужного по военному приготвлению».

Помимо частей, находившихся на Оренбургской пограничной линии, на театр военных действий из губернии вышло еще два казачьих полка – 3-й и Атаманский. Атаманский полк, насчитывавший в своем составе 32 офицера, 40 урядников, 2 писаря и 1100 рядовых, возглавил войсковой атаман полковник В.А. Углицкий; 3-й Оренбургский казачий полк, сформированный преимущественно из казаков 3-го кантона, – майор Я.Г. Беляков.

Многие из казаков изъявляли добровольное желание идти на войну – в частности, находившийся в 1807-1811 гг. в Дунайской армии и уволенный по болезни из 2-го Оренбургского полка хорунжий Миасской

станцы Павел Рукавишников вступил в 3-й полк по личному желанию. Добровольцем был и хорунжий Ключевского редута Емельян Неверов. Казаки 1-го и 2-го кантонов были распределены по полкам следующим образом: из станицы Миасской в Атаманский полк направлено пять урядников и 92 казака, из Еткульской – один урядник и 115 казаков, 3 офицера, шесть урядников и 151 казак – из Челябинской станицы, по два офицера и 60 казаков – из Кичигинской и Коельской станиц, четыре офицера, шесть урядников и 203 нижних чина – из Чебаркульской и Уйской станиц¹.

На укомплектование 3-го полка были направлены один офицер (Павел Рукавишников) и 4 казака из Миасской станицы, два офицера и четыре казака – из Челябинской, один офицер (Емельян Неверов) и два казака – из Ключевского редута, один офицер, четыре урядника и 2 казака – из Еткульской станицы, 21 казак – из Санарской, 18 – из Коельской, а также еще 32 человека – из Еманжелинской, Пригорной, Коельской, Чебаркульской и Уйской станиц².

Атаманский полк 23 октября 1812 г. выступил из станицы Бакалинской и уже 8 марта 1813 г. прибыл в действующую армию и принял участие в блокаде крепости Данциг. 3-й Оренбургский казачий полк в числе 17 офицеров, 20 урядников, один писаря и 500 казаков был направлен в состав Нижегородского ополчения, которым командовал генерал-лейтенант граф П.А. Толстой.

Атаманский полк все время блокады находился у стен крепости и принимал участие в ее штурме. 21 декабря 1813 г. гарнизон Данцига капитулировал. Полк до осени 1814 г. находился в крепости и в конце года был отпущен на родину. За боевые отличия 1 офицер и 4 урядника были произведены в следующие чины, 5 офицеров награждены орденами, остальные офицеры получили Высочайшее благоволение, а 14 казаков были отмечены знаками Отличия военного ордена. В числе награжденных орденами Св. Анны 3-го класса были атаман Челябинской станицы прапорщик Семен Киржацких и хорунжий Уйской станицы Тихон

Приданников. Последний, кроме того, был произведен в сотники. Как свидетельствуют материалы, сотник Коельской станицы Хохряков за отличие в боевых действиях был удостоен ордена Св. Владимира 4-й степени с бантом³. Однако обнаружить в архивных документах указ о его награждении до сих пор не удалось.

На долю 3-го казачьего полка выпала более тяжкая ноша – он участвовал практически во всех боях, которые вела русская армия в 1813 г. Казаки полка отличились под Кульмом, Бриеном, Фер-Шампенуазом, участвовали в знаменитой «Битве народов» под Лейпцигом, штурмовали Париж. В составе отряда знаменитого партизана генерала Сеславина полк вошел в столицу поверженного неприятеля.

За годы войны оренбургские части понесли немалые потери – в октябре 1813 г. 3-й полк, входивший в состав казачьего отряда генерал-майора Щербатова, насчитывал в своих рядах всего 277 человек. В 1815 г. в 3-й полк было направлено пополнение из войска – сменная команда из восьми офицеров, девяти урядников и 253 казаков. Домой казаки 3-го казачьего полка вернулись только в июне 1820 г. «Полк прибыл в Казань, откуда, – писал генерал Н.Г. Лобов, – распущен по домам, командами до своих пунктов в кантонах под начальством офицеров»⁴.

В числе безвозвратных потерь оказался и полковой есаул 3-го полка армии прапорщик Кочур Салеев. Полковой есаул Салеев вместе с двумя урядниками и 7 казаками был направлен в полк из Мочинской станицы 5-го казачьего кантона⁵. В 40-е гг. XIX в. подавляющая часть казаков Мочинской станицы была переведена на Новую линию и поселена в отряде Варненском. Сын есаула Салеева, Абдулвагап Кочуров, вышел в 50-е гг. в отставку в чине войскового старшины, старший внук, есаул Абдулменап, погиб в бою при охране границы. Внук Шейхислам Кочуров дослужился до чина генерал-лейтенанта, четверо других также в офицерских чинах служили в полках Оренбургского казачьего войска.

Участники боевых действий 1812-1813 гг. имели право на награждение специально

установленной серебряной медалью для ношения на соединенной ленте орденов Св. Андрея Первозванного и Св. Георгия, а казаки 3-го полка, участвовавшие во взятии столицы Наполеона, кроме того, медалью «За взятие Парижа». Однако все они возвратились домой без наград. Они получили их гораздо позже.

30 августа 1814 г. была учреждена еще одна медаль в память войны 1812 года – из темной бронзы по тем же штемпелям, что и серебряная. Она предназначалась для награждения дворянства и купечества, содействовавшего победе армии в этой войне. Но и эта медаль вручалась много позже учреждения. В частности, атаману Еткульской станицы армии подпоручику Т.П. Севастьянову бронзовая медаль на Владимирской ленте была вручена только 28 февраля 1818 года⁶.

Оренбургская губерния приютила и пленных солдат и офицеров армии Наполеона. В конце 1812 г. в Оренбургский край прибыла большая партия военнопленных французской армии и армий союзников. В их числе было 29 офицеров и более 1,5 тыс. солдат. Военный губернатор князь Г.С. Волконский получил распоряжение военного министра обеспечить необходимые условия для размещения военнопленных и принять все надлежащие меры к контролю за ними. Сохранились сведения о пребывании в губернии в 1812-1813 гг. офицеров Гюйо, Спонвиля, Мерсье, Декле, Тарассо, Люссо, Пеллетана, Лапьера Гюнсельсера, Ластцена, Лассана де Тулуза. В Оренбурге несколько месяцев проживали капитаны Клиор, Мартен, Тестар, лейтенанты Ш. де Сен-Дени, Жерар, Кравей, унтер-офицеры Жан Валюзио и Бартоломеу Клио.

Кто же были эти офицеры? Немногочисленные сохранившиеся документы показывают, что до пленения, в частности, Мерсье, занимал должность военного хирурга главного штаба 1-го корпуса князя Екмюля, раненым взят в плен казаками 10 декабря 1812 года в Вильно. Военный фармацевт при главном штабе французской армии Г. Гюйо, родившийся в г. Етан департамента Мез

6 января 1786 г, в плен попал в районе Смоленска. Военным хирургом был Иван Христфор Сильвестр Спонвиль, проходивший службу в составе 4-й санитарной дивизии Императорского штаба. Некоторые из пленных предпринимали попытки побега. В частности, пребывавший в плену в Астрахани голландский офицер Ван Кандель в сентябре 1819 г. писал мэру г. Бурга (департамент Ен): «...в начале 1814 г. мы с господином подпоручиком Морелье были взяты в плен казаками и были отведены в Астрахань. Когда нас повели с прочими военнопленными в Казань, на сем пути напали на нас татары (киргиз-кайсаки – В.К.) и увели с собою. Они нас жестоко мучили, сделали своими невольниками и, дабы мы не могли убежать, подрезали нам пяты, от чего я доселе с великим трудом хожу... Я имел счастье быть выкупленным одним русским господином, а товарищ мой не был подобно мне счастлив...». По уверению Ван Канделя, пленный офицер находился в киргизских кочевьях в рабстве и еще может быть спасен. После выяснения всех обстоятельств дела в январе 1820 г. французский посланник обратился с просьбой о розыске своего соотечественника к статс-секретарю МИДа графу Нессельроде. «Имея поручение осведомиться о его участи, – писал дипломат, – и если он еще жив, доставить ему свободу, я не усумнился обратиться к Российскому правительству, будучи уверен, что оно не оставит употребить своей власти в пользу несчастного»⁷. Оренбургский военный губернатор граф П.К. Эссен получил из министерства иностранных дел соответствующее указание и поиски военнопленного были начаты силами чиновников Оренбургской пограничной комиссии. Однако розыскные мероприятия оказались безрезультатными и 16 июля 1831 г. были официально прекращены.

После окончания войны часть пленных возвратилась на родину, однако большая группа военнослужащих изъявила желание остаться в России. Часть из них была поселена в Троицком и Верхнеуральском уездах, в 1815 году они приняли российское подданство и были зачислены в ряды Оренбургского

казачьего войска. По утверждению оренбургского исследователя В.Г. Семенова, с тех пор в станицах войска появились казаки с непривычными для слуха русских фамилиями Ланглоа, Виклер, Бинглан, Бушен⁸.

Сохранились прошения военнопленных Антонио Брего и Франца Будье «со времен Смоленского сражения находившихся в плену» о разрешении вступить им «в казаки». Военный губернатор согласился с их просьбой и предписал по принятии российского подданства определить их в 1-й Тептярский полк.

В январе 1822 г. с аналогичной просьбой к местным властям обратился проживавший в крепости Борской бывший военнопленный Александр Кербер, изъявили желание записаться в войсковое сословие бывшие военнослужащие французской армии Филипп Юнкер, Вильчен Гаутц, Лейнар Житель, Петр Пац, Миллер Овилер, проживавшие в Бугульминском уезде. Однако подавляющее большинство из пленных вернулась домой уже в 1814 г. Об этом, в частности, свидетельствует письмо военного губернатора генерала Г.С. Волконского Варшавскому генерал-губернатору В.С. Ланскому. В письме Волконский сообщал, что им на взаимобразной основе было выдано 1 тыс. рублей герцогу Варшавскому Витеру «в уважение бедственного положения французских пленных офицеров, возвращавшихся из г. Оренбурга на родину»⁹.

7 марта 1881 г. в Оренбургском казачьем войске проводилась однодневная перепись населения, показавшая, что 39 человек из числа казаков заявили, что они считают себя «потомками французских военнопленных».

Память о событиях двухсотлетней давности закрепилась и в названии населенных пунктов Новолинейного района, основанных в 1842-1843 гг. Именно в это время на войсковой территории появились казачьи отряды (поселки) Парижский, Лейпцигский, Бородинский, Тарутинский, Краснинский, Фершампенуазский (Фер-Шампенуаз), Бриент, Арсинский (Арси-Сюр-Об), Берлинский, Новинский (Нови), Кваркенский и др.

В некоторые из этих станиц в 1843 г. были переселены казаки Нагайбацкой станицы, участвовавшие в составе 3-го Оренбургского казачьего полка в войне 1812 года и заграничных походах русской армии. Все они помимо медали в память войны 1812 года, в 1826-1832 гг. были награждены и медалью «За взятие Парижа».

Необходимо отметить, что помимо казачьих полков, в войне участвовали и полки 23-й пехотной дивизии, прежде стоявшие

в крепостях Оренбургской пограничной линии. Уфимский и Рыльский пехотные полки, Оренбургские гусарский и драгунский полки, а также 1-й Тептярский входили в состав 1-й армии, которой командовал генерал Баркалай-де-Толли. Кроме того, Уфимский пехотный полк сражался в составе 24-й пехотной дивизии. Все эти воинские части принимали участие в Бородинском сражении и понесли большие потери¹⁰.

Примечания

1. Станица Пригорная была основана в 1801 г. за счет расселения станицы Чистоозерной, вода в озере которой была непригодной для употребления людьми и животными. Новая станица располагалась на Троицкой дистанции вблизи Подгорного редута на реке Уй.
2. В 1-й казачий кантон входили станицы: Миасская, Еткульская, Еманжелинская, Чистоозерная, Санарская и г. Челябин. Во 2-й – г. Красноуфимск, станицы Кичигинская, Коельская, Чебаркульская и Уйская.
3. Материалы по историко-статистическому описанию Оренбургского казачьего войска. Вып. 5. – Оренбург, 1904. – С. 130.
4. Краткая историческая записка об участии оренбургских казаков в Отечественной войне 1812-1814 гг. с Наполеоном: составлена генерал-майором Лобовым с разрешения Наказного атамана генерал-лейтенанта Сухомлинова. – Оренбург, 1912. – С. 23.
5. В команде Мочинской станицы числились урядники Айса Баимбетов и Губей Мухаметов; казаки: Чуванай Савтиряков, Туйдурек Каримов 1-й, Байтула Саперов, Каскен Ханафин, Самигул Захаров, Ессей Анусев (пропал без вести в 1814 г.), Фаткей Анусев (погиб в 1812 г.). Кроме того, в оренбургские полки в 1809–1814 гг. были призваны казаки Узбей Мухаметов, Хусаин Елдашев, Муллагул Емангулов, Рахмей Умиров, Савкай Гаврилов, Бикташ Минибаев, Мусса Шитров, Тазитдин Халматов, Бакбатыр Тохтаров и Батал Юсупов // ГАОО. – Ф. И-98. – Оп. 2. – Д. 25. – Л. 575–597.
6. Подпоручик Т. Севастьянов участия в войне не принимал, но как станичный начальник много сделал для формирования сменных команд для действующей армии и сбора пожертвований для нужд армии.
7. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 25. – Оренбург, 1911. – С. 246.
8. Семенов В. Г. Из истории Оренбургского казачьего войска. Бм и г. – С. 1.
9. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии. Вып. 3. – Оренбург, 1897. – С. 35.
10. Кузнецов В. А. Иррегулярные войска Оренбургского края. – Самара ; Челябинск, 2008.

Кобзов Владимир Серафимович, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Военного учебно-научного центра ВВС; Военно-воздушная академия (филиал г. Челябинск); доктор исторических наук, профессор.